

ПОНЯТИЕ РОПЛОЕ И ХАРАКТЕР КУРИАТНЫХ КОМИЦИЙ В ДРЕВНЕЙШЕМ РИМЕ

Какова была роль народного собрания и самого римского народа в процессе принятия закона в древнейший, так называемый царский период римской истории? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего разобраться, кого античная традиция о царском Риме включает в понятие «народ» и как это понятие соотносится с различными социальными группами и, в частности, с институтом римских курий.

Рим данной эпохи обычно характеризуют как раннеклассовое или позднеродовое общество¹. На протяжении всего царского периода еще продолжают существовать некоторые институты, сохраняющие формы первобытной родовой организации². Речь идет прежде всего о римских *gentes*, которые в VIII–VI вв. до н.э. играли ведущую роль в управлении гражданской общины³. Традиция в отношении ранней Республики часто сообщает о патрицианских родах, которые вместе с их клиентами представляли достаточно сплоченную политическую силу внутри римского государства⁴. Однако в отношении царского периода, когда плебс еще не выделился из общей массы клиентов, противопоставления клиентов и плебеев мы не встречаем. Что касается плебеев, то мы будем придерживаться общепринятой в современной науке точки зрения о том, что лишь начиная с конца VI в. до н.э. они оказались вне патрицианской родовой организации⁵. Более того, можно констатировать, что традиция никогда не рассматривала плебеев VIII–V вв. до н.э. как неграждан и обозначала словом *plebes* простолюдинов в противоположность власти имущим – отцам-сенаторам или патрициям⁶.

Тем не менее, о полном единстве римского народа в царскую эпоху говорить не приходится. В связи с этим следует обратить особое внимание на выражение *plūmnoe roploē*, которое Фест упоминает как термин, используемый в древнейшем тексте священных молитвенных песен жреческой коллегии салиев⁷. В науке давно отмечено, что в этом выражении окончание *-oe-* стоит в именительном падеже множественного числа, который соответствует древнегреческому окончанию *-oi-*⁸, т.е. его следует переводить как «копыеносные народы», а не «копыеносный народ». Известный итальянский историк права П. Каталано отмечает, что множественное число при обозначении того или иного этноса вообще было принято у латин древнейшего периода⁹. Так, Плиний Старший называет народ Альбы-Лонги *populi Albenses*, перечисляя и 30 общин, входящих в Альбанский союз¹⁰. Во множественном числе в доримский период обозначается и сам латинский союз под верховенством Альбы Лонги, так

¹ Маяк И.Л. Рим первых царей. М., 1983. С. 120, 260; Штаерман Е.М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978. С. 20; Capogrossi Colognesi L. Dalla tribù allo stato (Le istituzioni dello stato cittadino). Roma, 1990. P. 37–52.

² Franciosi G. Clan gentilizio e strutture monogamiche. Contributo alla storia della famiglia romana. Napoli, 1999. P. 261–314.

³ De Martino F. La gens, lo stato e le classi in Roma antica // Diritto e società nell'antica Roma. Roma, 1979. P. 51–74.

⁴ Liv. II. 49. 2–5; 64. 2; III. 14. 4; 16. 5; 44. 5; Dionys. VI. 47. 1; 63. 3; VII. 18. 22; 19. 2.

⁵ Маяк. Ук. соч. С. 149–159; Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962. С. 241–243; De Martino. Op. cit. P. 65; Richard J.-Cl. Les origines de la plebe romaine. Rome, 1978. P. 132.

⁶ Подробнее о характере архаического плебса см. Кофинов Л.Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 26–32.

⁷ Fest. P. 224 L.: «*Plūmnoe roploē* в песне салиев называются римляне, как имеющие обыкновение пользоваться копьями, или потому что главным образом они обращают врага в бегство».

⁸ Модестов В. Римская письменность в период царей. Казань, 1868. С. 148; Loumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre // Lateinische Grammatik. I. München, 1963. S. 271–276; Маяк. Ук. соч. С. 253 сл.

⁹ Catalano P. Populus Romanus Quirites. Torino, 1974. P. 108 ss.

¹⁰ Plin. NH III. 69.

Энний пишет о «древних латинских народах»¹¹. Так же зовется и Арицийское объединение латинов¹². Следовательно, и римляне эпохи Ромула осознавали себя еще не как единое целое, а как объединение народов. Это объединение латинского и сабинского этносов подробно описано в античной традиции¹³, древнейший синойклизм проявляется и в существовании трех первоначальных римских триб-племен тициев, рамнов и луцеров¹⁴. По мнению П. Каталано, множественность римского народа проявляется и в выражении *Quirites*¹⁵. Этот термин этимологически связан с римскими куриями. Действительно, римский народ эпохи первых царей был разделен по куриям, каждая из которых имела свое название¹⁶, свой религиозный центр и свои священнодействия, свое укрепленное на холме место и своего вождя¹⁷. Это разделение на курии имеет для нас особую важность: так как законы в царский период принимались именно в куриатных комициях¹⁸.

Рим эпохи Ромула, как известно, представлял собой объединение нескольких поселений, не связанных между собой общими стенами¹⁹. Соответственно, и политическая жизнь этого конгломерата не была сосредоточена в каком-то одном месте, а проводилась по куриям, расположенным на значительном удалении друг от друга по вершинам холмов. Ведь форум – арена будущих народных собраний – тогда был глухим болотистым местом²⁰, которое осушил лишь Тарквиний Древний²¹. Как же в таком случае Ромул проводил общее народное собрание по куриям? Вот что по этому поводу пишет Дионисий Галикарнасский: «Ведь народ не подавал свои голоса совместно, но созывался по куриям и то, что было решено большинством курий, сообщалось сенату»²².

Из приведенной цитаты очевидно, что в древнейшем Риме каждая курия голосовала отдельно друг от друга. На такое раздельное голосование курий в эпоху Ромула намекает и Помпоний в следующем отрывке: «Дошли сведения, что Ромул разделил народ на 30 частей и назвал эти части куриями из-за того, что в то время он осуществлял заботу о государстве через решения этих его подразделений»²³. Из слов Помпония ясно, что решение принимал не народ в целом, а отдельные его части (*partes*), т.е. курии. Видимо, голосование каждой курии проходило в самом культовом и общественном центре – храме или освященном месте курии. В связи с этим необходимо обратить внимание на термин, обозначающий народное собрание по куриям.

¹¹ *prisci populi Latini* – *Enn. Ann.* 24. См. также: *Catalano P. Linee del sistema sovranazionale romano*. Torino, 1965. P. 186–189.

¹² *Cat. Orig.* fr. 58: *Lucum Dianium in nemore Aricino Egerius Laeuius Tusculanus dedicavit dictator Latinus. hi populi communiter: Tusculanus, Aricinus, Lanuvinus, Laurens, Coranus, Tiburtis, Pometinus, Ardeatis Rutulus.*

¹³ *Liv.* I. 8. 6; *J3.* 4–8; *Dionys.* II. 45. 2–3; *Plut. Rom.* 19–20; *Cic. De rep.* II. 7. 13.

¹⁴ *Маяк.* Ук. соч. С. 93 сл.

¹⁵ *Catalano.* *Populus Romanus Quirites.* P. 113 s.

¹⁶ *Liv.* I. 13. 6: «Когда Ромул стал делить народ на 30 курий, то куриям дал имена сабинских женщин».

¹⁷ См. обзор источников и историографии по этому вопросу: *Маяк.* Ук. соч. С. 97–103.

¹⁸ Некоторые западные историки права убеждены, что куриатные комиции царского периода в реальности не обладали никакими или почти никакими законодательными и судебными функциями (см., например, *De Francisci P. Primordia civitatis*. Roma, 1959. P. 578–580). Однако источники утверждают прямо противоположное. Так, Дионисий Галикарнасский прямо пишет, что народу было предоставлено право утверждать, санкционировать законы (τε καὶ νόμους ἐπικυροῦν – *Dionys.* II. 14. 3). См. также: *D.* I.2.2.2; *Dionys.* IV. 13.1; 20.3; *Cic. De rep.* II. 31; *Lyd. De magistr.* I. 3.

¹⁹ *Маяк.* Ук. соч. С. 31–37, 202–211; *Capogrossi Colognesi.* *Op. cit.* P. 63 s. Согласно археологическим раскопкам и данным античной традиции, лишь шестой римский царь Сервий Туллий построил общую стену вокруг Рима: *Liv.* I. 44. 3; *Varr. LL.* V. 48; *Dionys.* IV. 14. 1.

²⁰ *Liv.* I. 12. 8; 13. 5.

²¹ *Liv.* I. 38. 6: «Он осушил в городе низкие места вокруг форума...» (пер. В.М. Смирнина).

²² *Dionys.* 2. 14. 3: ἔφερε δὲ τὴν ψῆφον οὐχ ἅμα πᾶς ὁ δῆμος, ἀλλὰ κατὰ τὰς φράτρας συγκαλούμενος ὅ τι δὲ ταῖς πλείοσι δόξειε φράτρας τοῦτο ἐπὶ τὴν βουλὴν ἀνεφέρετο.

²³ *Pomp. D.* I.2.2.2: *Romulum traditur populum in triginta partes divisisse, quas partes curias appellavit propterea, quod tunc rei publicae curam per sententias partium earum expediebat.*

Во всех без исключения случаях упоминания традицией народного собрания используется множественное число *comitia curiata*, т.е. дословно это означает «куриатные собрания», а не единое собрание. Так, куриатный закон об избрании на царство Нумы Помпилия народ принимал именно в «куриатных собраниях»²⁴. Точно так же в собраниях по куриям народ утверждал на царство Тулла Гостилия²⁵. Вообще античные авторы утверждают, что термин *comitia* при обозначении акта народного собрания всегда употребляется во множественном числе, однако не объясняют причину этой особенности²⁶. Очевидно, что использование множественного числа *comitia* вошло в обиход еще в древнейший период истории Рима, и подобно тому, как термин *populus* обозначал первоначальную множественность «народов», составивших впоследствии единый римский народ, термин *comitia* обозначал множественность собраний. Такое словоупотребление означало тогда, что каждый «народ» собирался на голосование в своей курии, затем представители курий собирались в сенате и римский сенат, как представитель всех этих «народов», т.е. всех курий, выяснял общее мнение курий и утверждал как общее решение всех римлян (*Dionys. 2. 14. 3*). Видимо, по этой же причине «народные жертвоприношения» (*sacra publica*) и «народные ауспиции» (*auspicia populi*) также обычно употребляются только во множественном числе²⁷.

Постоянное место для проведения общих народных собраний по куриям появилось лишь при третьем римском царе Тулле Гостилии, который впервые соорудил Комиций. Так, Цицерон пишет, что Тулл Гостилий «создал комиций и курию и огородил их (копьями) из военных трофеев»²⁸. Здесь квириды уже могли голосовать совместно, в едином собрании, однако старое употребление множественного числа сохранилось как простой архаизм, не имеющий реального смысла, так как особый закон впоследствии специально запретил проводить одновременно в разных местах народные собрания²⁹. Конечно, и при первых царях иногда, в наиболее важных случаях проводилось общее собрание всех римлян в одном месте. Это происходило, например, при акте инаугурации царя или одного из трех общеримских фламингов. Такое собрание называлось не «куриатным», а «калатным», т.е. «созываемым» на общее собрание (*Gell. XV. 27. 1*). Конечно, «калатные комиции» тоже были собранием курий, а впоследствии, в республиканскую эпоху, собрания по куриям вообще потеряли свое значение³⁰, поэтому древнее различие между «*curiata comitia*» и «*calata comitia*», возможно, уже в конце царского периода стало забываться и сошло на нет.

Теперь попытаемся реконструировать процедуру принятия закона в общеримских калатных куриатных комициях. Следует прежде всего отметить, что само собрание по куриям воспринималось как некое религиозное священнодействие. Комиций, так же как и курия, считался священным местом (*locus auspicatus*) и храмом (*templum*)³¹. По крайней мере, та часть комиция, откуда председательствующий на собрании обращался к богам, т.е. рогатки, признавалась за храм³². Действительно, председательствовать на комициях мог лишь сам царь как верховный жрец римской общины, либо великий понтифик. Законопроект обычно предварительно обсуждался царем в сенате,

²⁴ *Cic. De rep. II. 13. 25.*

²⁵ *Ibid. II. 17. 31.*

²⁶ *Gell. XIX. 8. 4–5; Charis. Gramm. I. 33. 29; Prob. Nom. gramm. IV. 208. 24.*

²⁷ Подборку источников с употреблением этих выражений в источниках см. *Catalano. Populus Romanus Quirites. P. 123–128.*

²⁸ *Cic. De rep. II. 17. 31: fecitque idem et saepsit de manubiis comitium et curiam...*

²⁹ *Gell. XIII. 16. 1: bifariam agi cum populo non potest... – («В двух разных местах созывать народ на собрание (магистрат) не может»).*

³⁰ *Маяк. Ук. соч. С. 236.*

³¹ *Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Т. I. Государственное устройство Рима до Августа // Записки Харьков. ун-та. Вып. I. Харьков, 1894. Отд. оттиск. С. 364.*

³² *Liv. II. 56. 10; III. 17. 1; 20. 6; Cic. in Vat. 10. 24: Cum L. Vettium... in rostris, in illo augurato templo ac loco, collocaris (Когда ты помещаешь Луция Веттия... на рогатках, в этом священном храме и освященном месте...); Liv. III. 14. 12: Rostraque id templum appellatum (И рогатки эти называются храмом).*

хотя это и не было обязательным³³. Затем царь³⁴ или понтифик рассылал к отцам-сенаторам вестников, а глашатаи, проходя по улицам города, криком созывали народ на собрание³⁵. Само название куриатных комиций – *calata*, согласно традиции, образовано от слова *calare*, что означает «созывать»³⁶. После полуночи³⁷ при ясном небе и тихой погоде³⁸ царь-авгур или сама коллегия авгуров (*Cic. De leg. II. 31*) должны были произнести гадания по небесным знамениям об угодности богам проведения в этот день народного собрания³⁹. Собрание начиналось с восходом солнца⁴⁰. При проведении голосования в куриатных комициях должно было присутствовать не менее трех государственных авгуров⁴¹, которые, заметив неблагоприятное знамение, должны были прервать проведение собрания заявлением: *alio die*, т.е. «в другой день»⁴². Комиции открывались торжественным обращением к богам с молитвенным песнопением (*solemne carmen precationis*) председательствующего царя, понтифика или магистрата⁴³. Законы предусматривали также во время комиций совершение понтификами, авгурами и другими жрецами определенных жертвоприношений и обетов⁴⁴.

Затем царь или председательствующий понтифик или иной жрец в зависимости от характера разбираемого законопроекта оглашал содержание закона. После оглашения (*nuncupatio*) царь совершал жертвоприношение и над принесенной жертвой давал клятву (*ius iurandum*), призывающую на него и его потомков проклятие богов в случае нарушения закона. Комиций со времени Туллы Гостилия был поделен на отдельные участки для каждой курии, где члены соответствующей курии и производили голосование, состоявшее в произнесении такой же клятвы, которую перед ними давал царь или председательствующий на комициях жрец. Из Цицерона (*De leg. III. 34–35*) мы знаем, что до закона Габиния 139 г. до н.э. всякое голосование проводилось устно, с голоса (*vocis suffragium*). Наши источники не уточняют, как именно проводился подсчет голосов во время устного голосования⁴⁵, зато они особенно подчеркивают важность произносимой при голосовании каждым гражданином клятвы верности принимаемому закону. Так, по крайней мере, принимался закон об изгнании Тарквиниев в первый год установления Республики. Дионисий описывает ту процедуру следующим образом (*V. 1. 3*): «После этого, принеся искупительное жертвоприношение за город и заключив договор, консулы, первые став над жертвенным животным, произнесли

³³ См., например: *Нетушил. Ук. соч.* С. 366. В республиканском Риме предварительное обсуждение законопроекта в сенате было обычной практикой (*Cic. Sest. 51. 109; Pis. 15. 35; Att. I. 13. 3; 14. 5; Liv. XL. 19; XLI. 9; XLII. 31*). Та же практика предварительного обсуждения в сенате царских законопроектов существовала и в эпоху царей (*Dionys. II. 14. 2*). Первым эту практику нарушил Тарквиний Гордый (*Liv. I. 49. 7*), за что и поплатился изгнанием.

³⁴ *Serv. Aen. VIII. 654*.

³⁵ *Macr. Sat. I. 15; Varr. LL. VI. 27*.

³⁶ *Gell. XV. 27. 2*; 'curiata' per licitorem curiatum 'calari', id est 'conuocari'... (Куриатные (комиции) «calari», то есть «созываются» куриатным ликтором...).

³⁷ *Dionys. XI. 20; Liv. X. 40; Censorin. XXIII. 4; Fest. Silentio surgere. P. 474 L.*

³⁸ *Serv. Aen. VII. 141*.

³⁹ *Liv. V. 52. 15–16; Cic. ad Att. 2. 7. 2; 2. 12. 1; 8. 3. 3*.

⁴⁰ *Varr. LL. VI. 92: cum primo luci...* (С первым лучами солнца...); *Dionys. VII. 59. 1*: «Когда же третий рыночный день настал, толпа из деревень... уже на рассвете начала занимать площадь»; см. также *Plut. G. Grach. 3*.

⁴¹ *Cic. ad Att. IV. 17. 2*: *C. Memmius candidatus pactionem in senatu recitavit quam... cum consulibus fecisset, uti ambo HS xxxx consulibus darent, si essent ipsi consules facti, nisi tris augures dedissent qui se adfuisse dicerent cum lex curiata ferretur quae lata non esset* – (Гай Меммий прочел в сенате договор... с конулами о том, что оба они заплатят консулам по 40 000 сестерциев, если они будут избраны консулами и не представят троих авгуров, которые заявят о своем присутствии при принятии куриатского закона, который в действительности не был издан...). Ср.: *Cic. ad Att. II. 7. 2; De leg. II. 12. 31*.

⁴² *Cic. De leg. II. 12. 31; Phil. II. 33. 83; Liv. I. 36. 6*.

⁴³ *Verg. Aen. XI. 301; Serv. Aen. XI. 301; Cic. pro Muren. 1; Liv. XXXIX. 15. 1; Gell. XIII. 23; Plin. Min. Paneg. 63. 3*: «Ты терпеливо выслушал длинное молебствие комиций... и сделался консулом».

⁴⁴ *Dionys. VII. 59. 2; X. 32. 4; 57. 6; Liv. XXXI. 7. 15*.

⁴⁵ См. об этом *Мяк. Ук. соч.* С. 236.

клятву и убедили других граждан поклясться в том, что они не возвратят из изгнания ни царя Тарквиния, ни его детей... Так они поклялись за себя самих и своих детей и потомков»⁴⁶.

Таким образом, важнейшим моментом при принятии куриатного закона был ритуал сакральной клятвы над жертвенным животным в верности принимаемому закону. Контроль же за соблюдением подобного рода сакрального закона принадлежал именно понтификам. Кроме того, хорошо известно, что понтифики со времен Республики контролировали весь процесс куриатных комиций. Если можно сделать такое сравнение, народные собрания по куриям были в чем-то сходны с христианской мессой, мольбой, обращенной к богу верующими в церкви. Конечно, имело место и голосование, однако в акте принесения присяги верности закону ведущую роль играл голос понтифика, которому вторили все римские магистраты и граждане⁴⁷. Одновременно это была мольба, *vox*, обращенный к богу для получения его одобрения⁴⁸. Поэтому современные исследователи обычно отмечают, что голосования в привычном для нас смысле в куриатных комициях не было. Американский ученый Э. Стейвли, например, полагает, что при инаугурации царя его власть формально «ратифицировалась» самим Юпитером, после чего голосование народа особой роли уже не играло⁴⁹. При абсолютной важности благоприятных божественных знамений последующее обсуждение народом законопроекта весьма маловероятно.

Тем не менее, до проведения авгурий такие обсуждения могли иметь место. Ведь обсуждение закона на комициях происходило примерно так же, как и обсуждение в народном собрании судебного дела в случае обращения осужденного к народу, которое подробно описывается Ливием (I. 26. 7–12). Следовательно, если кто-либо выступал против законопроекта, то начинались прения в присутствии народа. На возможность обсуждения законопроекта указывает и существование древнего института «законного срока» принятия закона (*legitimum tempus*), который назывался *trinum nundinum*. Между объявлением законопроекта и его принятием на народном собрании должно было пройти три нундины, т.е. три девятидневки. Э. Стейвли связывает появление этого законного срока с периодом средней Республики⁵⁰, однако Т. Моммзен справедливо считает, что *trinum nundinum* следует относить как минимум к началу Республики⁵¹. Действительно, понятие *trinum nundinum* встречается уже в законах XII таблиц⁵². Далее, следует привести еще один аргумент. При Тарквинии Древнем для утверждения закона о царской власти со стороны претендента впервые был применен принцип «искательства» должности у народа, что тоже так или иначе указывает на предварительное обсуждение закона с народом (Liv. I. 35. 2–3). Все же в царскую эпоху обсуждение закона, как правило, заканчивалось еще в сенате, где вполне достаточным для принятия закона было найти консенсус между представлявшими все курии сенаторами. Выше уже говорилось о том, голосование в куриатных комициях проходило отдельно в каждой курии. Следовательно, сенаторы приносили в сенат уже обсужденное и принятое решение своих курий. С введением обще-

⁴⁶ Ср. со священным законом 494 г. до н.э. (*Dionys.* 6. 90): «И в конце концов, чтобы народ не имел права в будущем отменить этот закон, но чтобы он всегда оставался неизменным, было предписано, чтобы все римляне были приведены к торжественной клятве соблюдать это...». См. также *Dionys.* XI. 45. 1–2; *Liv.* II. 1. 9; III. 55. 7. О роли клятвы при принятии законов см. также *Бердников И.* Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. I. Казань, 1881. С. 192 сл.

⁴⁷ См. подборку источников, свидетельствующих о повторе магистратами вслед за понтификами торжественных слов в священнодействиях, в статье: *Сморчков А.М.* Коллегия понтификов и гражданская община (IV–II вв. до н.э.) // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 45–68.

⁴⁸ См. *Fest. Vota nuncupata*. P. 176 L; *Serv. Ad Aen.* III. 89. См. об этом подробнее: *Кофанов Л.Л.* Коллегия авгуров // Жреческие коллегии в раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / Под ред. Л.Л. Кофанова. М., 2001. С. 88–99.

⁴⁹ *Staveley E.S.* Greek and Roman Voting and Elections. Thames and Hudson, 1972. P. 122.

⁵⁰ *Ibid.* P. 144 f.

⁵¹ *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd II. B., 1952. S. 34–46.

⁵² *Lex XII tab.* III. 5–6.

римских собраний на форуме это заседание сената стало носить предварительный характер, предварительный характер стали носить и решения в отдельных куриях. Итак, обсуждение скорее всего проходило по отдельным куриям, где и формировалось общее мнение каждой отдельной курии.

Возможно, понтифики имели особую роль в проведении голосования на общекуриатных комициях, ведь традиция указывает на их участие в наведении деревянных мостков Комиция⁵³. Известно, что в трибунных собраниях граждане каждой трибы поднимались с площади Комиция на трибунал, для чего каждый раз перед собранием устанавливались деревянные мостки⁵⁴. В то же время сама этимология слова «понтифик» по общему мнению всех античных авторов связана с древнейшей функцией этих жрецов «наводить мосты»⁵⁵. Учитывая главенствующую роль понтификов в куриатных собраниях, можно предположить функциональную связь между названием понтификов как «мостостроителей» и сооружением данных *pontes suffragiorum*. Следует добавить, что именно на трибунале совершались казни преступников в виде жертвоприношения и обычные искупительные, умиловительные или очистительные жертвоприношения. Таким образом, входя на трибунал, каждый квирит, произнеся над жертвой слова клятвы, уже не мог нарушить закон под страхом навлечь на себя гнев богов. О введении публичной клятвы царем Нумой Помпилием и о суровости наказания за ее нарушение говорят Ливий (I. 21. 1) и Дионисий Галикарнасский (II. 75. 3). Применение этого закона Нумы о публичной клятве граждан достаточно ярко комментирует текст договора между Туллом Гостилием и гражданами Альбы, принятый в куриатных комициях. Так, Ливий пишет, что глава фециалов Спурий Фузий был назначен для совершения народом акта принятия присяги и произнесения длинной торжественной молитвы (I. 24. 6). Этот жрец завершает акт принятия присяги следующими словами и действиями: «"А если (народ римский) первым отступится по общему решению, тогда ты, Юпитер, порази народ римский так, как в сей день здесь я поражаю этого кабанчика..."». Сказав это, он заколол кабанчика каменным ножом»⁵⁶.

Следует обратить внимание на этимологию термина *ius iurandum* и его связь с выражением *populus iussit* («народ приказал»). Известно, что архаическое слово *ius* образовано от глагола *iubere* и соответственно может быть переведено как «приказ»⁵⁷. Тогда сочетание этого слова с герундием от глагола *iurare* следует переводить как «приказ, подкрепленный клятвой». Схема принятия куриатного закона вполне подтверждает такое толкование термина *ius iurandum* в отношении клятвы народа на комициях. Клятва эта, как правило, предусматривала санкцию за ее нарушение, на что прямо указывает Ливий при описании вышеприведенного акта принятия присяги⁵⁸. Именно благодаря наличию в куриатных законах санкции посвящения богам (*sacer esto*) они получили название «священных законов» (*leges sacratae* – Fest. P. 422 L.).

Конечным актом собрания обычно была люстрация, т.е. очищение римского народа с помощью особого ритуала трехкратного обхода жрецов вместе с быком, бараном и кабаном вокруг Комиция. Дионисий описывает этот обряд очищения в связи с проведением ценза в центуриатных комициях (IV. 22. 1–2), но подобный обряд, по-видимому, сопровождал и общие собрания по куриям.

⁵³ Cic. De leg. III. 17. 38; Ad Att. I. 4. 5(20).

⁵⁴ Нетушил. Ук. соч. С. 369–371.

⁵⁵ Dionys. II. 73. 1; Plut. Num. 9.

⁵⁶ Перевод В.М. Смирнина. Liv. I. 24. 8: *si prior defexit publico consilio dolo malo, tum tu ille Diespiter populum Romanum sic ferito ut ego hunc porcum hic hodie feriam; tantoque magis ferito quanto magis potes pollesque.* id ubi dixit porcum saxo silice percussit.

⁵⁷ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 567.

⁵⁸ Liv. I. 24. 6: *pater patratus ad ius iurandum patrandum, id est, sancendum fit foedus...* (Отец-отряженный назначается для совершения присяги, то есть установления санкции договора...).

После завершения комиций сенат проводил авгурии⁵⁹ и после утверждения сенатом закона⁶⁰ под руководством понтификов устраивались общеримские пиршества, во время которых ели тех самых жертвенных животных, которые приносились в жертву богам во время очистительного жертвоприношения комиций⁶¹.

Особо следует остановиться на судебных полномочиях народного собрания по куриям. Традиция указывает на право осужденного царем или уголовными квесторами преступника обратиться за защитой к народному собранию⁶². Следует также отметить, что и те судебные решения, которые выносил царь, жрецы или магистраты, принимались публично, т.е. на форуме в присутствии народа, который всегда мог подвергнуть сомнению несправедливый, несправедливый судебный приговор. Ведь народ принимал самое живое участие в процессе судоговорения.

К судебным функциям куриатных комиций следует отнести и древнейшее право народа утверждать на калатных комициях завещания римских граждан. Так, Авл Геллий пишет: «В тех же комициях, которые мы привыкли называть калатными, обычно совершаются отречения от священнодействий и завещания. Ведь мы знаем, что было три рода завещаний: во-первых, то, что совершалось на народной сходке в калатных комициях...»⁶³. По всей видимости, это было не простое утверждение народом воли завещателя, так как на куриатных комициях рассматривались прежде всего патрицианские завещания, т.е. такие, через которые передавались по наследству не только имущество, но и *sacra publica*, т.е. наследственное право исполнения за римский народ каких-либо священнодействий и жертвоприношений⁶⁴. Известно, что в самой формуле древней завещательной нункупации присутствовало обращение завещателя к народу с просьбой утвердить завещание⁶⁵. Римские юристы отмечают, что право завещания было областью не частного, а публичного права⁶⁶. Действительно, право наследования *sacra publica* имело для архаического римского государства первостепенное значение. Вообще, вопрос о наследовании этих *sacra* весьма неоднозначен. Так, хотя в литературе уже отмечалось стремление как царей, так и римских *patres* превратить свои жреческие должности в наследственные⁶⁷, однако вот что сообщает об этом Авл Геллий: «В первой книге Лелия Феликса "Комментариев к Квинту Муцию" написано следующее: "Лабеон пишет, что калатными комициями называются те, которые проводятся перед коллегией понтификов с целью инаугурации царя или фламинов»⁶⁸. Следовательно, не только цари, но и фламины утверждались в своей должности все

⁵⁹ Liv. I. 22. 1; 32. 1; 49. 3; Dionys. II. 60. 3; III. 1. 3; 46. 1. Ср.: Liv. VI. 41.10. В приведенных фрагментах Ливия говорится об утверждении сенатом решения народа (*auctoritas patrum*). Простое сопоставление этих текстов Ливия с соответствующими описаниями тех же решений народа и сената у Дионисия Галикарнасского, где решение народа утверждалось обрядом авгурий жрецов и отцов-сенаторов, позволяет сделать вывод, что сенаторская власть *auctoritas* основывалась именно на проводимых ими или под их контролем авгуриях, т.е. выявлении благоприятных знамений богов.

⁶⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd III. Lpz, 1888. S. 1033 ff.: *Нетушил*. Ук. соч. С. 254; *Маяк*. Ук. соч. С. 240. См. также *Serv. Comm. in Aen.* IX. 190: в выражении «и народ, и отцы» Вергилий переносит на троянцев римский обычай, как поэт вообще поступает в большинстве случаев: ведь сначала приказывал что-либо народ, а затем утверждал сенат.

⁶¹ См. *Смирчков А.М.* Коллегия понтификов // Жреческие коллегии в раннем Риме... С. 100–141.

⁶² Liv. I. 26. 5–8; Cic. *De rep.* II. 54; *Fest.* P 297L. Подробнее о праве *provocatio ad populum* при царях см. *Кофанов*. Коллегия авгуров... С. 94 сл.

⁶³ Gell. XV. 27. 3. Ср. *Gai.* II. 101–102; *Ulp.* fr. 20. 2; *Iust. Inst.* II. 10. 1.

⁶⁴ *De Francisci.* *Primordia civitatis.* P. 586 s.

⁶⁵ *Gai.* II. 104: «Я ДАЮ, ЗАВЕЩАЮ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ, И ВЫ, КВИРИТЫ, УТВЕРДИТЕ ЭТО СВИДЕТЕЛЬСТВО». Как известно, главное значение глагола *perhibere* именно «утверждать».

⁶⁶ *Papin.* D. 28. 1. 3: *Testamenti factio non privati, sed publici iuris est.*

⁶⁷ *Кофанов*. Обязательственное право... С. 33; *Mitchell R.E.* The definition of *patres* and *plebs*. An end to the struggle of the orders // *Social struggles in archaic Rome: New perspectives on the conflict of the orders* // Ed. K.A. Raafaub. Berkeley, 1986. P. 144 ff.

⁶⁸ Gell. XV. 27. 1: *In libro Laelii Felicis ad Q. Mucium primo scriptum est Labeonem scribere 'calata' comitia esse, quae pro conlegio pontificum habentur aut regis aut flaminum inaurandorum causa.*

тем же народным собранием по куриям. Поскольку должность фламينا была пожизненной, то и назначение собранием его правопреемника было аналогично утверждению последней воли умершего фламينا.

Не менее важное значение имеют полномочия куриатных комиций в институте адрогации, т.е. в акте утверждения усыновления взрослого римского гражданина, перехода его из одного рода в другой. Вот как описывает этот институт Авл Геллий: «Когда посторонние принимаются в чужую семью и на положении детей, то это совершается или через претора, или через народ. (2) То, что совершается через претора, называется адопцией, а то, что через народ, – адрогацией... (4) Адрогации подвергаются те, кто будучи лицом своего права, передают себя в чужую власть, и они сами являются инициаторами этого акта. (5) Но адрогации совершаются не наобум и не без предварительного расследования. Ведь комиции, которые называются куриатными, собираются судьями-понтификами и ими выясняется возраст того, кто хочет усыновить, подходит ли он годами для отцовства, а также (ими расследуется), не добивается ли кто исподтишка имущества усыновляемого, (7) а затем произносится установленная великим понтификом Квинтом Муцием клятва, которой присягают во время адрогации. (8) Но не может усыновляться адрогацией тот, кто еще несовершеннолетен. Адрогацией же (этот акт) называется потому, что данный род перехода в чужую семью совершается посредством рогагии к народу. (9) Слова его рогагии таковы: "Желаете ли вы, приказываете ли, чтобы Луций Валерий по праву и по закону стал сыном Л. Тиция точно так же, как если бы он был рожден от него как от отца семейства и от (его жены) как матери семейства, чтобы была у него и такая власть над жизнью и смертью, какая есть у отца над сыном. И то, о чем я сказал, я вас, квирицы, спрашиваю»⁶⁹.

Из приведенного текста можно сделать следующие выводы. Во-первых, председательствующий на комициях понтифик (а в царский период еще и сам царь) выносил решение об усыновлении именно как судья, после предварительного расследования всех обстоятельств усыновления. Во-вторых, делалось это публично и в присутствии всего народа. В-третьих, по вынесении своего мнения председательствующим судебное решение на собрании выносилось все же самим народом, так как именно у народа спрашивалось, «приказывает ли он». Именно так и обозначает римский юрист Гай решение куриатных комиций по адрогации⁷⁰.

В случае с адрогацией и с завещанием в куриатных комициях как ни в каком другом институте проявляется сохранение элементов древнейшего родового института контроля общины за переносом собственности. Ведь Гай неоднократно упоминает, что при адрогации лица своего права все имущество усыновляемого, включая членов семьи, переходило в собственность, под власть усыновителя⁷¹.

Однако не следует забывать и о частных правах на исполнение публичных сагга. В связи с этим вернемся к тексту Геллия с описанием функций куриатных комиций. Наряду с утверждением завещаний Геллий говорит также о некоем *detestatio sacrorum*

⁶⁹ *Gell. V. 19: Cum in alienam familiam inque liberorum locum extranei sumuntur. aut per praetorem fit aut per populum. Quod per praetorem fit, 'adoptatio' dicitur, quod per populum, 'arrogatio'... adrogantur hi, qui, cum sui iuris sunt, in alienam sese potestatem tradunt eiusque rei ipsi auctores fiunt. Sed adrogationes non temere nec inexplorate committuntur: nam comitia arbitris pontificibus praebentur, quae 'curiata' appellantur. aetasque eius, qui adrogare uult, an liberis potius gignendis idonea sit, bonaque eius, qui adrogatur, ne insidiosae adpetita sint, consideratur, iusque iurandum a Q. Mucio pontifice maximo conceptum dicitur, quod in adrogando iuraretur. Sed adrogari non potest, nisi iam uesticeps. 'Adrogatio' autem dicta, quia genus hoc in alienam familiam transitus per populi rogationem fit. Eius rogationis uerba haec sunt: 'Velitis, iubeatis, uti L. Valerius L. Titio tam iure legeque filius siet, quam si ex eo patre matreque familias eius natus esset, utique ei uitae necisque in eum potestas siet, uti patri endo filio est. Haec ita, uti dixi, ita uos, Quirites, rogo.*

⁷⁰ *Gai. I. 99: «Властью народа можно усыновлять тех, которые являются лицами своего права; этот вид усыновления называется arrogatio, потому что и того, кто усыновляет, спрашивают, желает ли он того, кого намерен усыновить, считать законным сыном, – и того, кто усыновляется, спрашивают, желает ли он этому подвергнуться; спрашивается и народ, приказывает ли он этому свершиться».*

⁷¹ *Gai. I. 107; II. 98; 138; III. 83 sq.; IV. 38, 77.*

(Gell. XV. 27. 3). Обычно этот институт понимается довольно узко – как отречение усыновляемого или наследника от исполнения родовых *sacra*⁷². Однако, как справедливо отметил Де Франчиши⁷³, едва ли такому узкому вопросу известный римский юрист I в. до н.э. Сервий Сульпиций посвятил бы целый трактат, состоявший как минимум из двух книг⁷⁴. Вообще термином *detestatio* в римском праве обозначалось лицо, уличенное в религиозном преступлении (CTh. XVI. 5. 35). Термин же *detestatio* означает не столько отречение, сколько проклятие. Кроме того, этим термином юристы обозначали всякое торжественное заявление с оттенком угрозы, сопровождаемое клятвенным заверением⁷⁵. Авл Геллий пишет, что детестации в Лации эпохи легендарного Энея подвергали преступника, и практически приравнивает ее к наложению проклятия на преступника, дабы отвести угрозу от всего общества⁷⁶. О том же значении пишет и Макробий⁷⁷. Всякое деяние человека, направленное вольно или невольно на нарушение божественных законов природы, грозило ему проклятием. Так, софист Фаворин в передаче Геллия утверждает, что государственного проклятия по обычаям предков была достойна мать, умертвившая зачатого ею ребенка еще в утробе. Он считает, что того же достойна и мать, отказавшаяся кормить грудью своего младенца⁷⁸. Наконец, Цицерон в своей речи, направленной против Клодия, изображает последнего как страшного преступника, достойного проклятия (*detestatio*) всего народа и стремящегося сооружением алтаря откупиться от грехов⁷⁹. Проклятия граждан, по мнению Геллия, был достоин и Веррес, тот самый, о многочисленных преступлениях и святотатствах которого блестяще писал в своих судебных речах Цицерон⁸⁰. Преступник, нарушивший сакральный закон, назывался римлянами *sacer*, а само проклятие на юридическом языке XII таблиц формулировалось как *sacer esto*. Следовательно, *detestatio sacrorum* может быть понято как отречение народа от проклятого им преступника. Если подобное проклятие народа означало для преступника смертную казнь, то по завершении народного голосования о казни обычно совершался обряд очищения народа от скверны пролитой крови⁸¹. *Detestatio sacrorum* распространялось не только на лица, но и на вещи или на неугодные богам культы. Так, Цицерон считает достойными детестации древние алтари Горячки на Палатине и Злой судьбы на Эсквилине⁸².

Таким образом, очевидно, что термин *detestatio sacrorum* помимо общеизвестного более позднего значения (отлучения от родовых священнодействий) имел еще и древнейшее значение всенародного проклятия на комициях преступников, преступных дел или даже неугодных богам культов. Следовательно, судебные полномочия народа в куриатных комициях были достаточно широки. Конечно, народ обычно следовал авторитетному мнению профессиональных жрецов – царя, понтификов, авгуров и отцов-сенаторов в целом. Однако и последние, в свою очередь, не могли не считаться

⁷² См., например, *Capogrossi Colognesi*. Op. cit. P. 95.

⁷³ *De Francisci*. *Primordia civitatis*... P. 587.

⁷⁴ *Gell.* VII. 12. 1: «Я не понимаю, по каким соображениям юрист Сервий Сульпиций, ученейший для своего времени муж, во 2-й книге "О священнодействиях, подвергнутых детестации" написал, что слово *testamentum* имеет двойное значение, ведь он сказал, что оно содержит в себе торжественное засвидетельствование намерения».

⁷⁵ *Ulp.* D. 50. 16. 40: «*detestatio* est denuntiatio facta cum testatione («Детестация – это предупреждающее заявление, сделанное с клятвенным заверением»).

⁷⁶ *Gell.* II. 6. 3.

⁷⁷ *Marc. Sat.* VI. 7. 5; ср. III. 5. 9.

⁷⁸ *Gell.* XII. 1. 9.

⁷⁹ *Cic.* De dom. 140.

⁸⁰ *Gell.* X. 3. 13.

⁸¹ Вот что пишет об этом Дионисий Галикарнасский (V. 57. 5): «Сенат же вынес решение о том, чтобы все граждане были подвергнуты (обряду) очищения, так как они были вынуждены вынести решение о смерти граждан, ибо им нельзя присутствовать при священнодействиях, пока они не очистятся от греха и не уничтожат несчастья с помощью общепринятых очистительных жертвоприношений».

⁸² *Cic.* De leg. II. 28.

с мнением народа, как это случилось, например, в год правления отцов-сенаторов после смерти Ромула (Liv. I. 17. 7–11). Главным аргументом «отцов» в исключительности их полномочий были лишь их особая компетентность в знании права и обычаев предков, а также в умении интерпретировать волю богов. Соответственно, бурное развитие жреческого права в период римских царей в конце концов позволило патрициям надолго захватить сакральную власть в Риме. Однако стремление превращения «отцов», т.е. родовой аристократии, в замкнутую жреческую касту натолкнулось на сопротивление народа, но не в царский, а уже в раннереспубликанский период.

Возвращаясь к поставленной в начале статьи проблеме синоикизма римской *civitas*, отразившейся, в частности, на характере древнейших куриатных комиций, можно сделать следующие выводы. Первоначально каждое родовое объединение (*curia*) было достаточно автономным социальным организмом, имея своего вождя, свои священнодействия, свое народное собрание. Объединение курий сначала шло на уровне создания общего совета представителей курий – сената, и общего военного вождя – рекса. Общеримские собрания, так называемые *comitia calata* в первый век существования Рима проводились лишь в случае избрания царей и общеримских жрецов. Лишь позднее, начиная с царя Туллы Гостилия (VII в. до н.э.) общеримские собрания становятся постоянно действующим органом. Несомненно, общеримские *leges curiatae* принимались именно на таких общих собраниях. Впоследствии шестой римский царь Сервий Туллий (VI в. до н.э.) всех родовых вождей (патрициев) выселил с укрепленных холмов и поселил на одной так называемой Патрицианской улице (Fest. Patricius vicus, P. 247 L), а последний римский царь Тарквиний Гордый вообще запретил проведение отдельных собраний среди жителей сел (*κωμῆτων*), членов курий (*φρατριαστῶν*) или соседей (*γείτονων*), проводившихся для совершения совместных священнодействий и жертвоприношений (*ἱερα καὶ θυσίας* – Dionys. IV. 43. 2). Эту меру Тарквиния понимают как стремление Тарквиния уничтожить самостоятельность курий⁸³. Действительно, теперь все судебные дела о наследовании в родах, об усыновлении, о родовых проклятиях (*detestatio*) и т.д. стали решаться не в отдельных собраниях по куриям, а на общеримских *comitia calata curiata*. Это способствовало преодолению родовой замкнутости, созданию общеримской *civitas*, а впоследствии и быстрому формированию именно общеримского права. При первых консулах в 509 г. до н.э. запрет на проведение собраний по куриям был снят⁸⁴, но к тому времени огромная роль общего собрания всего народа стала понятна всем римлянам и собрания отдельных курий теперь имели лишь подчиненное значение и не играли существенной политической роли.

Л.Л. Кофанов

THE NOTION OF «POPLOE» AND THE CHARACTER OF *CURIATA COMITIA* IN ANCIENT ROME

L.L. Kofanov

The author focuses upon the fact that in ancient Rome, before the sinoikism of the Roman people had been completed, Romans recognized themselves not as a single whole, but as a union of different peoples. This can be seen in particular in the *curiata comitia*, which in accordance with Dionysius of Halicarnassus (II. 14.3) and Pomponius (D. 1.2.2.2) took place not in one location, but separately, by *curia*. This also explains the use of the term *comitia* only in plural, indicating «meetings».

⁸³ Richard J.-Cl. La population romaine a l'epoque archaïque // Roma arcaica e le recenti scoperte archeologiche (in onore di U. Coli). Milano, 1980. P. 63.

⁸⁴ Dionys. V. 2. 2: Ведь они (консулы) возродили законы об обязательствах, написанные Тулlichem, которые казались гуманными и демократичными и которые Тарквиний все полностью отменил. Они приказали также жертвоприношения, которые плебеи и сородичи, собираясь как в черте города, так и в сельской местности, совершали сообща, исполнять так же, как это было при Сервии Туллии. Консулы предоставили им право проводить народные собрания о самых важных делах, голосовать и делать все прочее, что они делали по прежнему обычаю.

Ancient meetings by *curia* took place in the church of each *curia* and had a markedly sacral character. The most important activity at the meeting of a people, adopting one law or another, was the swearing of a religious vow of loyalty to the latter (Dionys. V. 1.3.). Pontifices played a special role in carrying out the voting ritual, directing in particular the construction of planked footways for voting in each *curia* (hence their name, «bridge builders»). Mention should also be made of the role of the people's gatherings as judicial organs, in which wills, adoption documents, and so-called *detestationes* – convictions of perjurers – were ratified.

In conclusion, the author emphasizes the fact that *curia* were first united on the level of a general council made up of *curia* representatives – including senators and general military leaders (*rex*). All-Rome meetings, the so-called *comitia calata*, were held in the first century of Rome's existence only for the election of rulers and all-Rome priests. Only later, starting with the ruler Tullus Gostilius (VII century BC), did all-Rome gatherings become continuously active legislative and judicial organs.